

Таинственные превращения

В ту ночь он шагал по улице, как вдруг неожиданно услышал голос: «Позвольте прикурить!» Стандартная фраза, означающая лишь одно — сейчас содержимое его карманов обчистят... и, быть может, если грабитель окажется в хорошем расположении духа, ему сохранят жизнь. Но, увидев лицо жертвы, грабитель отшатнулся... и стремглав помчал прочь. Это лицо... Он узнал его. Вот только далеко убежать ему уже не удастся.

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

— — — — —
МОРИС
РЕНАР
— — — — —

ТАИНСТВЕННЫЕ
ПРЕВРАЩЕНИЯ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

МОРИС РЕНАР

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Повести

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2019 **СЕМЕЙНОГО**
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-7265-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с французского *Р. Калменса*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Тієї ночі він крокував по вулиці, аж раптом почув голос: «Дозвольте прикурить!» Стандартна фраза, що означає лише одне — зараз його обчистять... і, можливо, якщо грабіжник перебуватиме в доброму гуморі, сердега житиме. Але, побачивши обличчя жертви, грабіжник відсахнувся... і стрілою полетів геть. Це обличчя... Він впізнав його. Але далеко вже не втече.

Витончені й цікаві сюжети повістей Ренара можуть починатися зі сцени пограбування («Таємничі перетворення») або одиночного випадку вбивства («Новий звір»), але попереду завжди чекають нові, ба навіть серійні вбивства...

Ренар М.

Р39 Таинственные превращения / Морис Ренар. Таинственные превращения ; Новый зверь : повести ; пер. с фр. Р. Калменса. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-6293-5

В ту ночь он шагал по улице, как вдруг неожиданно услышал голос: «Позвольте прикурить!» Стандартная фраза, означающая лишь одно — сейчас его карманы обчистят... и, быть может, если грабитель окажется в хорошем расположении духа, ему сохранят жизнь. Но, увидев лицо жертвы, грабитель отшатнулся... и стремглав помчался прочь. Это лицо... Он узнал его. Вот только далеко убежать уже не удастся.

Изящные и интригующие сюжеты повестей Ренара могут начинаться со сцены ограбления («Таинственные превращения») или единичного случая убийства («Новый зверь»), но впереди всегда ждут новые убийства редкостной изощренности...

УДК 821.133.1

- © DepositPhotos.com / stokkete, neuron, gpointstudio, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ТАИНСТВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Мое самое большое желание — нравиться толпе.
Она одна живет и заставляет жить других.
И.-В. Гете. «Фауст»

ГЛАВА I. Ночной инцидент

Два часа ночи. На улице в квартале Терне тихо и пустынно. Из-за угла в полосу света выплыла фигура джентльмена в цилиндре, белом кашне, черном макфарлане и лакированных ботинках; руки в перчатках, конец трости занесен над плечом. Аристократ зашагал решительно и бодро, похоже, к себе домой. Тень за фонарем не пугала его — он ступил в нее довольно уверенно. Он курил: красной точкой мелькала его сигарета, но лицо трудно было разглядеть.

— Позвольте прикурить! — прозвучало в темноте.

Аристократ остановился и замер.

— Отчаливай, — миролюбиво отрезал он.

Прохожий пошел в атаку и угрожающе крикнул:

— Эй, выворачивай карманы, приятель, если хочешь остаться цел.

За неимением револьвера джентльмен направил в глаза воришке яркий луч карманного фонарика. Неизвестный вскрикнул от неожиданности, а аристократ, успев отпрыгнуть назад, чтобы не дать противнику выбить фонарик из своих рук, быстро скомандовал:

— Прекрати! Спрячь нож! — Он приблизил фонарик к своему лицу, и нападавший отпрянул. — Что, узнаешь? Гляди лучше. Я тебе никого не напоминаю?

Тот, не издав ни звука, бросился наутек. Он мчался с дикой скоростью, едва касаясь земли парусиновыми башмаками. Аристократ погнался за ним, крича ему вслед:

— Постой! Я никому не скажу! Клянусь! Остановись, черт тебя возьми! Давай поговорим.

Но воришка бежал во всю прыть, движимый единственным желанием, чтобы его не догнали. Ему это удалось. Джентльмен вскоре отказался от погони.

— Вот дурак, — прошептал он, вытирая пот с лица. — Ничего, я разыщу тебя. Никуда ты от меня не денешься, голубчик. Не имей привычки лезть в чужие дела. Я преподам тебе такой урок, что на всю жизнь запомнишь. — Он повернулся и пошел в другую сторону, чему-то улыбаясь и бормоча: — Кто бы мог предположить такую встречу? Очутиться лицом к лицу с... Нет, этому надо положить конец. Скажут, пожалуй, что я слишком впечатлителен, но мне этот номер показался

эффектным. Да-да, есть повод для размышлений, и с завтрашнего дня...

Джентльмен ускорил шаг — было уже очень поздно, — и его голос вскоре потонул в ночной тишине.

ГЛАВА II. Потрясающая новость

Графиня де Праз сидела у письменного стола и просматривала газеты, когда раздался звонок. Именно с этого момента начинается наша повесть.

— Тетя, — прозвучал в трубке бодрый молодой голос.

— Да, детка. Что ты так рано? Еще восемь утра.

— Ой, у меня потрясающая новость! Мне не терпится с вами поделиться.

Девушка говорила с таким воодушевлением, что графиня и без телефонного аппарата слышала звонкий голос, доносящийся из комнаты наверху.

— Новость? — насторожилась мадам де Праз. — Мне подняться к тебе?

— Нет, что вы! Я сама к вам спущусь.

Графиня повесила трубку и словно бы опечалилась. Это была невысокая худая женщина с блеклым лицом, на которое Создатель, видимо, пожалел красок. Ее прежде эффектные белокурые волосы потускнели и заметно поседели; она носила старомодную гладкую прическу с гребнем, которая очень старила ее, хотя графине не исполнилось и пятидесяти. Овал лица ее утратил прежнюю четкость, под глазами залегли темные круги и морщинки, уголки губ опустились. Выражение лица ее было растерянным, будто она постоянно о чем-то тревожилась, поэтому графиня не любила фотографироваться и выпроводила всех художников, которые предлагали нарисовать ее портрет. Мадам облокотилась о столешницу и задумалась, сжав бледные губы и нахмурившись, так что на ее переносице обозначились некрасивые складки.

За портьерой послышался шорох, дверь распахнулась, и в комнату ворвалось чрезвычайно шумное и бойкое создание в атласных домашних туфельках и похожем на розовое облачко воздушном капоте.

— Здравствуйте, тетя! — налетела девушка на графиню, обняла ее за шею и звучно поцеловала в обе увядшие щеки.

— Что ты делаешь, озорница! Я только что припудрилась, — пожурила ее мадам де Праз.

— У меня такая радость! Вы себе не представляете! — склонила Жильберта Лаваль на плечо тетки свою изящную головку

в каштановых кудряшках. — Это, конечно, немного неожиданно, но тем лучше! — завальсировала Жильберта по комнате, кружа в танце свою унылую родственницу.

— Перестань меня тормошить! — высвободилась та. — Что с тобой творится?

— Я счастлива, тетя!

— Ничего удивительного: ты такая молодая и хорошенькая!

— Верно, но я не об этом, — приблизила к уху графини Жильберта свои пурпурные губки и прокричала: — Я собираюсь замуж! Надеюсь, вы не возражаете?

Тетка внезапно вздрогнула, будто ее ударили по щеке:

— Замуж? За кого?

— За Жана Морейля, — прошептала девушка.

— Кто это? Я его не знаю.

— Знаете, тетя, вы просто забыли. Месье Пойяк представлял вам его, когда мы были на званом вечере. Почему вы побледнели? Вам нездоровится или не нравится мой выбор?

Графиня и вправду изменилась в лице и вцепилась в край стола, словно боясь упасть. Жильберта, сбитая с толку, обескураженно посмотрела на тетку, которая с трудом выдавила из себя кислую улыбку:

— Ничего, детка, я немного разволновалась. Я ведь не ожидала такого известия.

— Мне кажется, вы не рады, — вздохнула девушка. — В ваших глазах и голосе ощущается холодок.

Мадам де Праз взяла племянницу за руку.

— Дорогая, я люблю тебя, как мать, и беспокоюсь о тебе. Не слишком ли легкомысленно ты решилась на такой серьезный шаг? Тебе только-только исполнилось восемнадцать, ты совершенно не знаешь жизни. Ты уверена, что будешь счастлива с господином Морейлем?

Жильберта надула губки и сдвинула брови. Заметив это, графиня ласково привлекла ее к себе и погладила по кудрявой головке.

— Ну ладно, — сказала она. — Дай мне время лучше познакомиться с этим молодым человеком, собрать о нем кое-какие сведения, и если он такой, как ты думаешь...

— Он хороший.

— Ступай одеваться, деточка. Мы еще обсудим твои планы.
Поцелуй тетю, она тебя в обиду не даст.

Раздосадованная девушка вяло коснулась губами лба графини и покинула комнату — на этот раз не бегом.

Оставшись в одиночестве, графиня де Праз нервно сжала пальцы и принялась вышагивать туда-сюда по комнате, служившей ей чем-то вроде рабочего кабинета, в углу которого стоял внушительных размеров сейф. Оригинальность помещения заключалась в том, что все его стены были увешаны оружием африканских туземцев: кожаными и деревянными щитами, боевыми ассегаями и стрелами разных форм и размеров. Графиня задумчиво оглядела это снаряжение и поморщилась, словно оно вызвало у нее какие-то неприятные воспоминания. Внезапно мадам остановилась у массивного стола в стиле ампир и потянулась к телефонному аппарату, бормоча про себя: «Еще посмотрим!» Она нажала на одну из кнопок и прошептала, прикрывая ладонью отверстие в трубке:

— Алло, Лионель! Алло!

В ответ раздалось нечленораздельное мычание:

— А? Что, мама?

— Ты спишь?

— Вернее, еще не проснулся.

— Поздно вернулся?

— Да уж...

— Я сейчас к тебе приду, есть важный разговор.

Мадам де Праз осторожно отворила дверь, на цыпочках пересекла вестибюль и тихонько поднялась наверх.

В комнате сына царил полнейший беспорядок — сразу было видно, что прошлой ночью Лионель недурно повеселился. Фрак лежал на полу, цилиндр был напялен на часы, помятый белый жилет валялся на стуле рядом с лакированными ботинками.

— Мама, что случилось? Я спать хочу, — промямлил молодой человек, ворочаясь на постели.

— Вот так и проспай свое счастье, — упрекнула сына графиня, поднимая с пола фрак. — Пора заканчивать ночные кутежи, Лионель. Ты не забыл, сколько тебе лет?

— Двадцать три, — буркнул он, уткнувшись в подушку.

— Ты бездельничаешь, сынок, а в твоём возрасте уже нужно браться за ум, — присела мать на край постели и чмокнула сына в макушку.

— Что с вами, маман? — привстал он на локте. — Наводнение? Ураган? На вас лица нет.

— Лионель, ты помнишь, что я говорила тебе четыре года назад, когда погиб твой дядя?

— Что я должен понравиться Жильберте и со временем жениться на ней.

— Как же ты оцениваешь свои успехи в данном направлении?

— Никак, — опустил глаза Лионель.

— Очень плохо, что ты не слушаешь мать, — сердито произнесла мадам де Праз. — Пока ты прожигаешь жизнь, Жильберта влюбилась в какого-то Жана Морейля и собралась за него замуж.

Лицо Лионеля исказилось выражением неприязни:

— С чего вы взяли?

— Она пять минут назад объявила мне об этом. Что прикажешь? Радоваться?

— Что вы ответили?

— Ничего определенного, но запретить ей выходить замуж я не могу.

— Почему? Скажите, что вы возражаете, проявите свою власть.

— Какую власть? Жильберта — полноправная хозяйка, а я — её домоправительница. Не забывай, мы живём в её особняке. Чего я добьюсь, если поссорюсь с ней? Она встанет на букву закона, мигом избавится от меня и потребует отчёта о состоянии дел, а оно не в нашу пользу, сынок. Ты помнишь, сколько проиграл в карты? И это ещё не все твои долги.

— Ладно, не взвинчивайте себя.

— Я надеялась, — чуть не плача продолжала графиня, — что ты женишься на Жильберте, укрепíš наше положение и вознаградишь меня за мои страдания...

— Мама, не надо нервничать, — прервал её Лионель. — Подождите лить слезы: не все потеряно. Согласен, я сглупил — надо было давно вскружить девчонке голову. Но ведь ещё не поздно, особенно если вы поможете мне убрать Морейля с дороги. Я заглажу своё невнимание к Жильберте. Чертов Морейль! Откуда он свалился на нашу голову, образчик добродетели?

— Ты с ним знаком?

— Поверхностно, но я о нем слышал. Он серьезный человек, увлечен живописью. Его не встретишь ни в барах, ни на танцполах, ни в казино, в отличие от меня, — усмехнулся Лионель.

— Он богатый?

— Определенно небедный. Особняк на авеню дю Буа, лошади, автомобиль «роллс-ройс». И ни одного порока. Ни дамы сердца, ни содержанки, ни любовницы. Одним словом, он — безупречный.

Мадам де Праз грустно и недоверчиво посмотрела на сына.

— Давай неведем справки, — предложила она. — Разве на свете есть идеальные люди?

— Bravo, маман. То, что вы сказали, совсем не глупо. Мы ничего не потеряем, если проделаем такой трюк. Если же потерпим неудачу, то придумаем другую комбинацию. И деньги Лавалей не уйдут из наших рук!

— Только деньги? А твоя кузина? Ведь она красавица!

— Ничего особенного в ней я не нахожу.

— Мне хочется видеть тебя богатым и счастливым, мой мальчик.

— Богатым — значит и есть счастливым. Ладно, с сегодняшнего дня я установлю за Жаном Морейлем бдительное наблюдение. Мы выясним, действительно ли он такая редкостная птица. Меня, признаться, так и распирает любопытство. Кстати, маман, если бы в прошлом году болезнь Жильберты приняла другой оборот, мы теперь не оказались бы в столь критическом положении: наследство перешло бы к вам. Или я ошибаюсь?

— О чем ты? — отшатнулась мать и в испуге воззрилась на сына. — Что за мысли? Как тебе не стыдно!

— Успокойтесь, я не способен тронуть даже муху, — возразил он. — Но если обстоятельства складываются благоприятно, если вмешивается рок, что же — тогда приходится выбирать...

— Значит, ты совсем не любишь кузину?

— Маман, вы сами учили меня, что лгать — плохо, — мотнул он головой.

Мадам де Праз вздохнула и задумалась.

— А ведь она очень привлекательна, и, клянусь тебе, мне бы хотелось сделать ее счастливой.

— Выдайте ее за Жана Морейля.

— Не шути! Ты знаешь, что ты один для меня существуешь, мой мальчик. С тех пор как ты родился, ты у меня один на свете.

— А папа?

— Я не любила его так, как тебя.

— А дядя?

— Я вышла бы за него замуж только для того, чтобы сделать тебя богатым.

— Вы умница, маман! Я немедленно разыщу нашего бывшего лакея Обри и разработаю с ним план наблюдения. Как вы к этому относитесь?

— Неплохо придумано: Обри всегда готов услужить нашей семье.

— Я знаю, что вы устроили его привратником дома номер сорок семь на улице Турнон. Он, кажется, обижен на Жильберту, так?

— Еще бы! Ведь это она настояла на том, чтобы я его уволила.

— Все в нашу пользу, маман.

В эту минуту молодое звонкое меццо-сопрано огласило весь особняк: Жильберта напевала для собственного удовольствия бравурную песенку.

— Она у себя в комнате, — прошептала сыну мадам де Праз. — Я не хочу, чтобы она знала о нашем с тобой разговоре.

Графиня быстро поднялась, черной тенью скользнула вниз по лестнице и заперлась у себя в кабинете. Все еще думая о событиях, грозивших провалить все ее планы, мадам де Праз вынула из-за корсажа маленький ключик, с которым никогда не расставалась, и стала отпирать сейф. Четыре секретных замка щелкнули один за другим. Тяжелая дверца повернулась на петлях, и показались виньетки всевозможных ценных бумаг, заполнявших хранилище сверху донизу. Элизабет де Праз извлекла несколько пачек, прикосновение к которым, по-видимому, доставляло ей немалое удовольствие, и хотела уже сунуть руку в темную глубину, как вдруг голос наверху оборвался и смолк. Графиня поспешно толкнула назад цветные пачки, прикрыла их другими, захлопнула стальную дверцу, защелкнула замки и спрятала ключ на груди.

ГЛАВА III. Рассказ господина Фейяра

В семь часов вечера Жан Морейль, предварительно условившись по телефону, позвонил в дверь своего друга Фейяра, самого «светского» нотариуса в Париже. В тот вечер Морейль и Фейяр должны были присутствовать на первом представлении лирической драмы. Они также договорились вместе поужинать, поскольку Морейлю необходима была консультация поверенного. Тот ждал его в полной готовности и при параде. Оба джентльмена нарядились в новые костюмы, так что чиновник выглядел ничуть не беднее денди: черный макфарлан, шелковый цилиндр, белый фуляр и изящная трость, — хотя на самом деле между Фейяром, простым служащим, и Морейлем, аристократом, пролегла бездонная пропасть.

— Ага, явился, красавец!

— Давай без иронии, — шутливо отмахнулся Морейль, но Фейяр не унимался.

— Ладно, не кокетничай, ты не барышня. Выглядишь отлично, прямо как Антиной. Ну-ка, пройдишь туда-сюда, покажи себя. Ох, баловень судьбы! Откуда у тебя такая гибкость, пластика? Прирожденные данные? Повезло тебе, приятель, благодари природу-мать. А зачем пожаловал? По делу, кто бы сомневался. Что на этот раз? Покупка ценных бумаг? Нового дома? Автомобиля? Пойдем, расскажешь по дороге.

— Со мной случилась удивительная история, — начал Жан Морейль.

— Женишься?

— Ты угадал.

— На ком?

— На мадемуазели Лаваль, дочери исследователя Африки. Чему ты улыбаешься?

Когда они уселись в экипаж, Фейяр объяснил:

— Я улыбаюсь по двум причинам, старина. Прежде всего, я очень доволен твоим выбором. Жильберта Лаваль — красивая девушка, о ней говорят много хорошего. Правда, она избалована, что само собой разумеется, но, несмотря на это, по общему мнению, у нее правильный, твердый и прямой характер.

— Я не ожидал, что ты разбираешься в этом вопросе.

— Тебе, как всегда, повезло: я — нотариус семейства Лавалей — Празов. Но существует обратная сторона медали.

— Какая? — насторожился собеседник.

— Мадам де Праз и ее сын.

— А они тут при чем?

— Ты разбиваешь их тайные мечты.

— Приятель, — признался Морейль, — я мало осведомлен о семье Лавалей, так не мог бы ты меня просветить? Зачем ходить вокруг да около?

Нотариус недоверчиво посмотрел на клиента. Жан Морейль, опустив глаза, рассеянно играл перчаткой.

— Ты, наверное, решил устроить мне испытание? — воскликнул Фейяр. — С тобой никогда не знаешь, к чему готовиться.

— Уверяю тебя, я в полном неведении; поделись, пожалуйста, со мной необходимой информацией.

— Нет, постой, ты точно не шутишь?

— Господи, Фейяр, хватит уже! Какие шутки? Если ты можешь что-нибудь рассказать мне о семьях Лавалей и Празов, я буду тебе бесконечно признателен, — с нажимом повторил Жан Морейль. — Я люблю мадемуазель Лаваль и женюсь на ней, но я совершенно не имею понятия о намерениях мадам де Праз и ее сына. Я пару раз видел графиню мельком; Лионеля де Праза я иногда встречаю в светском обществе, но мы не общаемся по той простой причине, что он мне не нравится. Уверяю тебя: я пришел к тебе не затем, чтобы собирать сплетни. Посвяти меня только в нюансы брачного контракта.

— Ладно, — кивнул нотариус. — Прости за сомнения, однако мне странно, что ты пускаешься на такое серьезное предприятие вслепую. Задача поверенных не соединять любящие сердца, а сводить семьи, которые уверены, что подходят друг другу. Этим и объясняется мое профессиональное удивление. Кроме того, я никак не привыкну к настроению, которое на тебя временами накатывает...

— Настроение? А что с ним не так?

— Ты вдруг без всяких причин глубоко задумываешься, прячешься в свою скорлупу, как сейчас, и делаешься таким рассеянным, что невольно возникает вопрос: «Осознает ли он, о чем с ним говорят?»

— А, вот ты про что! — хохотнул Морейль. — Так я занят важным делом. У меня из головы не выходит одна задача...

Фейяр внимательно посмотрел на клиента и покачал головой:

— Странный ты человек. Мне, наверное, не хватит жизни, чтобы тебя понять. Ты — поэт, философ, артист, загадочная личность.

— Приступай, — велел Жан Морейль. — Жили-были...

— Жили-были две сестры Осмон. Старшая, Элизабет, вышла замуж за графа де Праз, обедневшего офицера. Младшая, Жанна, стала избранницей выдающегося и довольно богатого джентльмена Гюи Лавалья, исследователя Центральной Африки. Лет через десять после замужества старшей ее супруг, капитан де Праз, принял почетную смерть на поле битвы, как и подобает военному. Его сын Лионель потерял отца. Ты меня слушаешь, Жан?

— Конечно, продолжай.

— Вид у тебя такой, будто ты на Луне. Так вот, мадам де Праз овдовела и влачила жалкое существование на нищенскую пенсию, а ее сестра, красавица мадам Лаваль, имела многомиллионное состояние, жила в Нёйи-сюр-Сен на одной из лучших вилл и проводила каждое лето в роскошной усадьбе Люверси в долине Шеврёз. Все эти богатства достались ей от отца Лавалья, крупного промышленника, и Жанна с согласия мужа предложила своей сестре поселиться у них вместе с сыном. Вдова, конечно, обрадовалась: куда ей было деваться? Вообще, Лавали слыли удивительно щедрыми и гостеприимными людьми и обожали свою дочь, маленькую милую резвушку. Но Гюи Лаваль следовал призванию, которое оказалось сильнее отцовской привязанности. Его пожирала страсть к путешествиям, к опасным далеким экспедициям. Он проводил в разъездах шесть месяцев в году. Сам понимаешь, что в подобных условиях он с радостью ухватился за мысль, что графиня с сыном устроится у Жанны, то есть той не придется скучать в обществе старшей сестры и племянника. Мало того, это доброе дело принесло материальную выгоду: мадам де Праз была настолько же экономной хозяйкой, насколько мадам Лаваль расточительной, и вскоре старшая сестра начала распоряжаться в буфетной, на кухне и в погребе. Вот такие дела, дружище. Тебе это интересно?

— Хватит спрашивать! Разумеется, интересно.

— Тогда приготовься к печальным событиям. Мадам Лаваль скончалась, насколько я помню, лет пять назад. Она умерла в Люверси, когда господин Лаваль находился дома и по его вине. Это настоящая

трагедия. Несколькими днями раньше Лаваль вернулся из Африки и в числе множества экзотических редкостей привез с собой змей, которых собирался отдать в зоосад.

— Про это я читал в газетах! — воскликнул Морейль. — Одна из змей убежала, да? И ужалила мадам Лаваль, когда та спала.

— Верно. Гюи Лаваль страшно горевал. Боялись за его рассудок, и, надо сказать, мадам де Праз ухаживала за ним с большим самоотвержением, несмотря на собственное горе, ведь она потеряла родную сестру. Лаваль не находил себе места, считая себя виновником несчастья, мучился и страдал. Как только он немного оправился, то засобиравшись в новую экспедицию в Верхний Нигер. Те, кто провожал его, заранее предрекали, что он больше не вернется, но помешать ему никто не решился. Через шесть месяцев он уехал.

— И с концом?

— Да. Перед отъездом из Франции он посетил мою контору и составил завещание, по которому в случае своей смерти отдавал свое дорогое дитя на попечение мадам де Праз, причем в таких выражениях, что не оставалось сомнений: он готовился к смерти. Так и вышло: он погиб в стычке с отрядом дикарей во время разведки, куда, заметь, отправился без всякого конвоя. Его тело было так исколото стрелами, что его с трудом опознали. Это известие повергло его родственников в глубокое отчаяние. Мадам де Праз проливала горькие слезы, и не один год. Говорят, она старалась всеми силами удержать господина Лавалья во Франции, но он не послушался. Дело в том, что со смертью сестры перед ней открывалась возможность стать второй мадам Лаваль. Господина Гюи она не любила, ибо мадам де Праз вообще не создана для любви, но злые языки судачили, что ей не хочется выпустить из рук огромное наследство ученого. Ведь не ей же самой нужны эти миллионы? Она старалась для сына, поскольку эта скромная женщина — страстно любящая мать. Лионелю тогда исполнилось семнадцать или восемнадцать, а Жильберте Лаваль — лет тринадцать. В общем, мадам де Праз стремилась женить сына на своей племяннице. Однако тысячи обстоятельств угрожали помешать осуществлению ее плана, и она пыталась, выйдя замуж за Лавалья, закрепить за собой часть его состояния. Увы, мечта разрушилась вместе со смертью Лавалья, и у графини остался единственный шанс: обвенчать Лионеля с Жильбертой. И вот представь себе: теперь на ее

руку претендуешь ты. Сам посуди... Да очнись ты, Морейль, спишь, что ли? Где витают твои мысли?

Молодой человек заморгал, стряхивая с себя оцепенение.

— Я задумался о лампе итальянского мастера, которую видел сегодня на выставке антиквариата, — признался он. — Маленькая бронзовая вещица с золотой подставкой в виде змеи. Мне хочется приобрести эту лампу для своей коллекции.

Фейяр так поразился, что на мгновение онемел. «Что за бесшабашный тип?» — с раздражением подумал он о своем клиенте.

— Ну ты даешь! — воскликнул он. — Стоило мне так распинаться? Половина моих речей пролетела мимо твоих ушей. Ты — беспечный оригинал, вот что я тебе скажу. Гляди, не поплатись за это.

— Я фантазер, — с улыбкой поправил его Морейль.

— Послушай, фантазер, — прикоснулся к его руке нотариус, — остерегайся графиню. Я тебе плохого не посоветую, и в людях я разбираюсь лучше тебя, уж поверь мне. Нет, мерси, я не курю перед ужином.

Жан Морейль достал сигарету и, выпустив дым колечком, спокойно произнес:

— Давай обсудим брачный контракт.

Экипаж остановился. Молодые люди вошли в ресторан.

ГЛАВА IV. Обри и его хозяева

Жильберта сообщила тетке, что собирается пригласить Жана Морейля в гости, и мадам де Праз из осторожности смолчала. Во-первых, она уже привыкла ни в чем не отказывать богатой племяннице, а во-вторых, ей очень хотелось хорошенько разглядеть претендента на руку девушки.

Жан Морейль был принят в доме на правах друга. Лионель решил воспользоваться этим, чтобы, насколько ему позволит вежливая холодность жениха кузины, установить с ним более-менее тесное знакомство. После разговора с матерью сын графини старался чаще сталкиваться с Морейлем, где только можно: на поле для гольфа, на теннисном корте, в фехтовальном зале. Но уже через неделю избалованному сибариту надоело занятие, в котором он не усматривал никакой пользы, и он отказался от него, тем более что Обри, бывший лакей де Празов, по заданию Лионеля тоже следил за Морейлем и не замечал в поведении молодого человека ничего предосудительного.

— Маман, пусть за Жаном присматривает Обри, мне это скучно. Вы не возражаете? — спросил он графиню.

— Я тоже наблюдаю за Морейлем, — сообщила она, — и составила о нем некоторое мнение. Так вот, я чувствую, даже уверена: он от нас что-то скрывает. Он слишком задумчив и погружен в себя. Это неспроста: в его судьбе есть какая-то тайна.

— Какая именно? — удивился Лионель. — Он ведет обычный образ жизни богатого аристократа. Я вас не понимаю, маман.

— Мы все разузнаем, не беспокойся, — пообещала мать. — Я не первый год на белом свете. Если я сформировала о чем-либо впечатление, то оно редко меня обманывает.

— Конечно, вы очень проницательны, — почтительно поцеловал он руку графини. — У вас природное чутье. Однако я опасаясь, что на этот раз вы принимаете за предчувствия свои желания. Оно и понятно: Жильберта — богатая девчонка, с ней мое и ваше будущее было бы обеспечено. Я ведь не прочь жениться на ней, а заодно и на ее деньгах, — заверил Лионель мать.

— Рассуждать мало, нужно действовать, — сурово заметила мадам де Праз.

Лионель поглядел на нее с некоторой тревогой.

— Действовать? Каким образом? Убедить Жильберту в том, что Жан Морейль ее недостойн, у нас не получается. Придется придумать что-то другое, чтобы она не вышла ни за него, ни за другого джентльмена. Я постараюсь, но это сложно.

— А ждать у моря погоды — это глупо! — резко воскликнула графиня.

— Честное слово, я теряюсь в догадках, маман. Что вы предлагаете? Такое впечатление, будто вы чем-то напуганы.

— Нет, Лионель, не бери в голову. Я немного расстроена — это верно, но все образуется, — обняла она сына, устремила на него полные любви бесцветные глаза и поцеловала в макушку. — Не сердись на мать, — попросила она. — Тебе не надо ничего придумывать, мой мальчик, повторяю: у Морейля имеется тайна, а раз он что-то скрывает, то это скверно для него и превосходно для тебя.

— Не знаю, что вам ответить, маман. Провидческим даром я, увы, не наделен.

— Хочешь, я тебе помогу? Давай я сама встречусь с Обри и хорошенько разберусь, в чем там дело.

— Не возражаю, — проворчал Лионель.

В тот же вечер возле дома номер сорок семь на улице Турнон остановился автомобиль, из которого вышли графиня де Праз с сыном и постучали в квартиру привратника. Обри уже поджидал их. Он распахнул дверь и принялся угодливо кланяться. Это был низкорослый седой человечек с некрасивой физиономией и бегающими туда-сюда хитрыми глазками. Его шея была такой короткой, что голова казалась втянутой в плечи. Ходил он осторожно, словно кого-то боялся, стараясь не размахивать своими длинными, как у гориллы, руками. Он обладал способностью сливаться с толпой, съезживаться, делаться незаметным, двигаться бесшумно и действовать втихомолку. Разумеется, такие навыки носили профессиональный характер: прислуживая господам, Обри привык оставаться на заднем плане, к столовому серебру и посуде прикасаться мягко, не допуская ни малейшего звона и бряцания, и вообще быть человеком-невидимкой, который выныривает перед гостями неизвестно откуда, проворно меняя тарелки и, точно по волшебству, наполняя бокалы лучшим вином.

Несмотря на такие таланты, мадемуазель Лаваль терпеть не могла Обри: не из-за физического, почти обезьяньего уродства, а вследствие морального убожества. Ничто так не выводило ее из себя, как кривая улыбка, постоянно блуждавшая на губах этого извортливого и коварного антропоида. Вот почему Жильберта убедила тетку выдворить неприятного типа из дома, и Обри, лишившись места, затаил на девушку злобу. Между тем мадам де Праз хоть и выполнила волю племянницы, но не бросила бывшего лакея на произвол судьбы, а устроила привратником в один из принадлежавших Жильберте доходных домов и время от времени давала Обри различные поручения, которые тот выполнял вкрадчиво и ловко, как услужливая тень.

— Дорогой мой, — начала графиня, — у меня сложилось впечатление, что дело не сдвигается с мертвой точки. Да ты садись, пожалуйста, не суетись и доложи нам о результатах.

— Вы безгранично добры ко мне, мадам, — приторно улыбнулся Обри, с почтительной неловкостью устраиваясь на краешке стула. — Господин граф поручил мне следить за месье Морейлем, чем я и занимался, причем на совесть. Ничего особенного, однако, я не заметил, честное слово.

— Ну а все-таки? Чем занимается этот человек?

— Большую часть времени витает в облаках. Во всяком случае, видно, что его голова напряженно работает.

— Мне тоже так показалось, — кивнула мадам де Праз. — О чем же он, по-твоему, думает?

— Маман, я ведь говорил вам, что Жан Морейль — подающий надежды, усидчивый живописец, — вмешался Лионель.

Графиня остановила сына досадливым жестом.

— Каков его распорядок дня, Обри?

— Господин Морейль встает очень рано и скачет верхом в Буа.

— Всегда туда? Ты уверен?

— Маман, Обри не лжет, — заверил Лионель. — Я сам несколько раз ездил туда вместе с Морейлем.

— Затем, — продолжал привратник, — Морейль возвращается домой, переодевается, выходит на территорию усадьбы и занимается спортом. Завтракает он либо дома, либо в клубе. Иногда по утрам он устраивает пешие прогулки или назначает деловую встречу с кем-то из

джентльменов. В остальное время он, как правило, посещает концерты, картинные галереи и музеи, читает в библиотеке, заходит к антикварам и в магазины старьевщиков. В общем, ничего порочащего в его поведении нет.

— Тут что-то не так, — поморщилась графиня. — У него, например, есть автомобиль. Разве он им не пользуется?

— Я тоже озадачился этим вопросом и познакомился с его шофером. Господин Морейль объявляет ему с вечера, куда они поедут на следующий день. Я нанимал то такси, то мотоциклет, чтобы замести следы, и всегда появлялся в назначенном пункте раньше Морейля. Но опять-таки, графиня, ничего странного или подозрительного не обнаружил.

— Куда он ездит?

— Осматривать старинные памятники и усадьбы в предместьях. Посещает антикваров. Шофер у него довольно общительный, я многое у него выведал.

— Он не лжет?

— Не думаю, мадам, я неоднократно проверял его.

— Так-так. Ну а вечерами чем занимается наш эстет?

— Вы удивитесь, но для парижанина его круга господин Морейль выезжает очень редко: в оперу, иногда в мюзик-холл. Никогда не кутит, не играет в карты. Раньше он, вроде бы, как и все молодые аристократы, бывал на Монмартре, но теперь словно забыл туда дорогу.

— Выходит, по вечерам Морейль возвращается домой довольно рано. Что он делает? Работает?

— Да, графиня, он просиживает за столом: листает толстые фолианты, что-то пишет.

Лионель, глядя в окно, задумчиво пояснил:

— Он автор книги «Женщины в произведениях Эжена Делакруа», а теперь заканчивает новый труд: «Дендизм в Англии». Он денди или желает им быть, как д'Ореви́льи, а также спортсмен и литератор. Когда же ему трудиться, как не по ночам, маман?

— Обри, ты подтверждаешь данный факт?

— Ну, мадам, ночью проникнуть в его дом я не могу...

— А с чьей-нибудь помощью?

Обри помолчал, как бы давая понять: «Это довольно опасно, графиня, так недолго скомпрометировать многих людей».

— Ситуация сложная, — резюмировала мадам де Праз.

— Забыл сообщить важную деталь, — оживился Лионель. — Я слышал, что знакомые называют Жана Морейля «человеком, который не спит». Якобы он до зари просиживает за письменным столом и почти не отдыхает. Один из его друзей, врач, обратил мое внимание на его глаза, в которых есть что-то особенное, характерное для людей, регулярно бодрствующих по ночам.

Мадам де Праз раздраженно поджала губы, процедив:

— Все наблюдения: и твое, Обри, и наши с Лионелем, — производимые с утра до вечера, но не с вечера до утра, не дали никаких результатов. Тем не менее мой инстинкт подсказывает...

— Что именно? — прервал ее Лионель.

— Когда на меня глядят чьи-либо глаза, — уверенно заявила графиня, — я всегда определяю, таится в их глубине нечто сокровенное или нет. В случае с Морейлем я готова поручиться, что да. Обри, надо убедиться, что наш денди действительно проводит ночи напролет за работой.

— Как же это осуществить?

— Начни с того, что выясни, не посещает ли его кто-нибудь по ночам и не выходит ли из его дома перед рассветом.

— Вы имеете в виду женщину, маман? — усмехнулся Лионель.

— Чем черт не шутит? — пожала плечами мадам де Праз. — Святых людей на свете нет, это я точно знаю.

— Вы правы, — добавил Обри с пошлой улыбкой.

ГЛАВА V. «Странность» Жильберты

— Нет, дорогая, я не нахожу ничего неприличного в том, что Жан Морейль пригласил тебя к себе, — сказала мадам де Праз. — В наш век вполне естественно, что жених зовет невесту в дом, который, вероятно, скоро станет и ее домом. Но так же естественно и то, что мне следует пойти с тобой. Надеюсь, ты не возражаешь?

Стараясь скрыть досаду, Жильберта натянуто улыбнулась и недовольно произнесла:

— Конечно, тетя, я не против, но все-таки вы немножко отстаёте от нашего века.

— Ах, Жильберта, как плохо я тебя воспитала! — с выражением снисходительного негодования потрепала мадам де Праз племянницу по щеке.

В небольшой модно обставленной гостиной Жана Морейля был сервирован чай. Мадемуазель Лаваль, пребывавшая в плохом настроении, отмалчивалась, на вопросы отвечала дерзко и невпопад, а затем и вовсе вскочила со стула и принялась ходить туда-сюда вразвалку, как ленивый уличный мальчишка. Графиня понимала, чем недовольна племянница, обижалась на нее, но не подавала виду, чинно лакомясь пирожным и с плохо скрываемым любопытством рассматривая убранство комнаты.

— У вас есть сигареты? — спросила Жильберта хозяина, намеренно стараясь вести себя вульгарно.

— Да, сейчас принесу, — поспешно ответил Жан Морейль и направился в смежную курительную комнату, а за ним, послав поднявшейся было из-за стола тетке насмешливую и издевательскую гримасу, и Жильберта.

— Что с вами? — участливо поинтересовался Морейль.

— Она меня изводит...

— Почему? — удивился он.

— Поймите, я ее сюда не звала, и вы ее не приглашали. А она притащилась за мной по пятам, чтобы все обнюхать, все разглядеть. Как от нее отвязаться? Меня уже тошнит от ее присутствия.

— Жильберта, она права. Поставьте себя на ее место, и вы поймете. Жаргонные словечки и эксцентричное поведение не красят вас.

Я гораздо больше люблю другую Жильберту, — улыбнулся он. — Будьте самой собой.

Глаза ее внезапно наполнились слезами, она схватила Морейля за руки и прошептала:

— Ах, любите меня, Жан! Если вам не нравятся мои выходки и кривляния, я больше не стану, обещаю. Скажите, вы любите меня, да? И никогда не разлюбите? Никогда?

Он посмотрел на нее с нежной серьезностью, и она почувствовала, как ее сердце растворяется в волне счастья и радости. Все, что минуту назад заставляло ее огрызаться и вставать на дыбы, разом улеглось.

— Не думайте, Жан, что я не уважаю тетю. Я к ней очень привязана, но порой...

— Невежливо, что мы оставили ее одну. Я как хозяин обязан быть гостеприимным. А сигарету? Выбирайте.

— Мерси, я передумала. Вам ведь не хочется, чтобы я курила? Да, Жан? Запретите мне курить, и я подчинюсь. Мне так приятно доставить вам удовольствие!

Он звонко и по-мальчишески беззаботно засмеялся, чем окончательно сразил Жильберту:

— Да, верно, мне не нравится, когда вы курите.

— Какой вы милый! Какой замечательный!

— Я вас люблю, — грустно и проникновенно сказал он.

— И я вас, — пролепетала она дрогнувшим голосом.

— Пойдемте к тете.

Мадам де Праз тем временем рассматривала картины на стенах гостиной.

— Ну как они вам? — спросил Морейль. — У меня есть еще работы, если вам интересно. Особенно я горжусь своим недавним приобретением. Если вы цените Камиля Коро...

Гости в сопровождении хозяина отправились в галерею, где их глазам открылась обширная коллекция редких полотен и красивейших скульптур. Жан Морейль принялся рассказывать про каждый экспонат, поражая дам своей огромной эрудицией и глубоким художественным вкусом. Мадам де Праз узнала об искусстве такие вещи, о которых прежде даже не задумывалась, а для Жильберты, упоенной знаниями Жана и тонкостью его рассуждений, голос жениха звучал, точно музыка.

— А что в витринах под стеклом? — спросила она.

— Мой музей, — улыбнулся он. — У каждого свои причуды.

— Ключи, старые ключи, — прошептала графиня.

— И старинные лампы, — добавила Жильберта.

— Да, все верно, — ответил Морейль, как бы извиняясь за свои нелепые экспонаты. — Ключи и лампы. Я начал коллекционировать их с самого детства. Они всегда притягивали меня. Странно, не правда ли?

— Символично, — заметила графиня. — Вы любите открывать и освещать?

— Пожалуй, — смутился он.

— Мне кажется, — вставила Жильберта, — что за столько лет должно бы накопиться гораздо больше ключей и ламп. Может, они уже вам не интересны?

— Нет, это не так, но меня и эти вещи связывает маленькая тайна...

— Какая? — быстро осведомилась графиня, вся обратившись в слух.

— Я покупаю ключ или лампу только при определенных обстоятельствах: или чтобы поощрить себя, или чтобы вознаградить за что-нибудь. Лампы поощряют, ключи вознаграждают.

— Не понятно, — вскинула брови Жильберта. — Разъясните, пожалуйста.

— Для чего мне поощрения и за что награды? Легко отгадать. Каждая из этих ламп и каждый ключ соответствуют какому-нибудь труду или изысканию. Ребячество, конечно. Не говорите никому: надо мной будут смеяться.

— Ах, какая великолепная лампа! Вон та зеленая с желтой подставкой! Эталон изящества.

— Изделие итальянского мастера. Золото и бронза, — прокомментировал Морейль. — Если вам, Жильберта, она нравится, возьмите ее. Доставьте мне удовольствие подарить вам эту вещицу.

Сконфуженная девушка робко взяла лампу, подняла ее, чтобы лучше разглядеть на свету, и поспешно водрузила обратно на столик.

— Что с вами? — удивился Морейль.

Жильберта внезапно побледнела и на несколько секунд замерла, прикрыв глаза рукой, а мадам де Праз, внимательно рассмотрев лампу, авторитетно изрекла:

— Все понятно, там змея. Да-да, так и есть. Подставка изображает змею. Она из золота, да?

Жильберта изобразила жалкое подобие улыбки и прошептала:

— Простите меня, Жан. Внезапный испуг, голова закружилась.

— У девочки случаются такие реакции, с тех пор как погибла ее мать — моя несчастная сестра, — пояснила графиня. — Вы, месье Морейль, наверное, слышали...

Жан кивнул и взял руку Жильберты в свою:

— Может, воды, дорогая?

— Нет-нет, — запротестовала девушка. — Мне уже лучше. Боже, как неловко! — пролепетала она и покраснела.

— Слава богу, к вам возвращается румянец, — обрадовался Жан. — Очевидно, когда-то вы испытали глубокое потрясение.

— Да уж, — вмешалась мадам де Праз. — Ужас, который не поддается описанию. Но с тех пор прошло пять лет, и Жильберте пора бы изжить эту странность. Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложила графиня. — Я не в состоянии без дрожи даже думать о той трагедии.

— Тетя, наоборот, надо все рассказать Жану, а потом больше не будем касаться этой темы. Я хочу, чтоб мой жених знал о моей маме абсолютно все. — Она уселась в кресло, взяла графиню за руку и прижалась виском к ее надушенным пальцам. — Пожалуйста, тетя, я вас умоляю.

Мадам де Праз замялась, словно боясь прошлого.

— Выполните просьбу девочки, мадам, — тихо произнес Морейль.

— Ладно, — с грустной торжественностью ответила графиня. — Как тяжело на душе! Ведь я помню все в мельчайших деталях, словно это произошло вчера.

— Случилось это в Люверси в августе. Мы приехали туда в начале июля: моя сестра Жанна, Жильберта, я и Лионель...

— ...который тогда провалил экзамен на бакалавра, — ехидно вставила девушка.

— Мой зять Лаваль, несколько месяцев бывший в отъезде, известил нас, что вернется к десятому августа. Мы ждали этого события, как праздника, и хотели отправиться в Париж встречать Гюи на вокзале. Но накануне торжественного дня моя сестра вдруг слегла: еще раньше

она простудилась и должным образом не лечилась, как следствие — бронхит. Когда ее муж приехал в Люверси, Жанна совсем разболелась и не могла даже встать с постели.

— Тетя, не забудьте про змей.

— Ни в коем случае. Лаваль привез из Центральной Африки всякие редкости, в том числе живность, которую собирался отдать в зоосад. Но поскольку жена хворала, он до ее выздоровления не отлучался из поместья, и штук пятнадцать змей, предназначенных для зоосада, временно содержались в усадьбе.

— Как страшно, тетя!

— У меня у самой мурашки по коже. Среди рептилий была одна черная с белыми пятнами, длиной больше трех футов. Она принадлежала к редкому виду, встречавшемуся только в глубине Африки. Лаваль гордился своей находкой. В серпентарии, куда поместили отвратительных тварей, черно-белая змея занимала отдельный отсек с прочной решеткой. Гюи Лаваль взял за привычку ежедневно навещать «раритетную» особу; бравируя своей храбростью, он распахивал дверцу отсека, брал это чудовище в руки и рассматривал острые ядовитые зубы. Зачем он так поступал, ума не приложу.

— Мы с Лионелем часто присутствовали при этом, — добавила Жильберта. — Папа приносил с собой что-то вроде большой вилки, с помощью которой обездвигивал змею. Чтобы показать нам механизм выделения яда, он надавливал на один из змеиных зубов, и мы наблюдали, как из ядовитого мешочка, похожего на нарыв, по зубу, словно по трубочке, стекает противная жидкость.

— Гюи так увлекся этими экспериментами, что однажды сломал черной змее один зуб, — подхватила мадам де Праз. — После этого он рассердился на самого себя и перестал навещать змею в серпентарий.

— Господин Лаваль говорил вам, что змеиный яд действует с невероятной быстротой? — уточнил Морейль.

— Да, он сообщил, что чернокожий раб, который поймал черно-белую рептилию, поплатился за это жизнью: тварь его ужалила, — ответила Жильберта. — Папа сказал, что привез эту змею не просто так, а ради науки: ученые собирались проанализировать химический состав ее яда, как только змея поступит в их распоряжение. Но

обстоятельства, на нашу беду, приняли другой оборот. Тетя, объясните Жану планировку дома.

— Да, деточка. Так вот, спальня моей сестры располагалась в нижнем этаже, но довольно высоко над землей. Рядом находился просторный будуар, смежный с комнатой Жильберты. Гюи и Лионель жили на втором этаже, а прислуга — в мансарде: там несколько помещений. Я целый день дежурила у постели бедняжки, а ночью горничная стелила мне постель в будуаре, чтобы если я вдруг понадобилась больной, то прибежала по первому зову. Но Жанна возражала против такой опеки, говорила, что мне нужно хорошенько высыпаться, поскольку я и так провожу с ней весь день, и настаивала на том, чтобы дверь из ее комнаты в будуар была закрыта. По ночам больную мучила сильная жажда, а прохладительные напитки врач ей категорически запретил, поэтому она обычно звонила нашей горничной Мари, которая спускалась на первый этаж и подавала моей сестре горячую настойку. Чтобы я не просыпалась от шагов служанки, Жанна требовала закрывать дверь между спальней и будуаром. Однако я даже сквозь сон улавливала малейший шум и каждую ночь слышала, как по галерее идет Мари и заходит к мадам Лаваль.

Вечером девятнадцатого августа температура у больной поднялась выше обычного. Вероятно, это объяснялось погодой: стояла жара, в комнате было душно, сестра жаловалась, что ей не хватает свежего воздуха. Я на некоторое время отворила в ее спальне створку окна под закрытой ставней, поскольку врач разрешил такого рода проветривание. Уходя, я велела Мари захлопнуть створку, когда она принесет настойку. Потом я вошла в будуар и застала там Жильберту в ночной сорочке.

— В ту ночь я не могла уснуть, — сказала девушка, — мне хотелось еще раз поцеловать мамочку. Никогда не забуду этого последнего поцелуя. Бедная мама! Я долго обнимала ее, словно в последний раз. Когда я вернулась в будуар, тетя уже легла. Продолжайте, дорогая.

— Девочка была сама не своя, будто предчувствовала несчастье, — подхватила мадам де Праз, — и попросила у меня разрешения спать в будуаре. Я взяла ее к себе в постель и вскоре заснула от переутомления.

— Но ко мне, — вмешалась Жильберта, — сон никак не шел. То ли постель казалась мне узкой, то ли меня мучила духота, то ли терзали

дурные мысли. Я боялась пошевелиться, чтобы не стеснить тетю, и до рассвета пролежала с открытыми глазами. Под маминой дверью я видела светлую полосу от ночника. В доме было очень тихо.

— Я спала крепко, — сказала графиня, — но при первых лучах солнца вскочила с постели с тревожной мыслью: «Мари, вроде бы, не спускалась. Значит, Жанна не позвала ее? Выходит, ей лучше? Или хуже?» Я бросилась в спальню — сестра лежала мертвая, и тело ее выглядело мраморным от покрывавших его пятен. Я закричала, прибежал Гюи и, увидев труп жены, впал в ступор, лишился дара речи и способности соображать, что произошло и в чем причина трагедии. Мне кажется, он сразу понял, что убийца — змея, ведь он знал: она уже однажды умертвила своим укусом чернокожего африканца.

— Вы спохватились, где рептилия? — нетерпеливо спросил Морейль.

— Да, но не сразу: какое-то время, часа два, мы находились в шоковом состоянии. Позже выяснилось, что тварь исчезла. Отсек ее пустовал. Она проскользнула сквозь прутья решетки, поскольку щели оказались шире, чем положено. Серпентарий оборудовали наскоро и не учли нормы безопасности. Месье Лаваль был великим исследователем, но в житейских вопросах, как многие ученые, не видел дальше своего носа. Когда ему сообщили, что черная рептилия сбежала, его как током ударило. Он внимательно осмотрел руки и ноги бедной Жанны. На большом пальце левой руки невооруженным глазом был заметен укус, и все выглядело как месть Лавалю за те пытки и унижения, которым он подвергал змею.

— Что же вы предприняли? — нахмурился Морейль.

— У меня случилась истерика, и не только из-за гибели сестры: я боялась, что опасная тварь, вырвавшись на свободу, не ограничится одним нападением и умертвит всех нас. Я переживала и за сына, и за племянницу. Гюи запаниковал, не зная, где искать змею: в парке, в оранжерее, в доме? Когда он немного оклемался, мы начали осматривать спальню Жанны, но рептилии там не было, зато мы поняли, как она вползла и выползла. Ей помогло...

— ...окно? — перебил Морейль. — Приоткрытое окно?

— Именно, — кивнула Жильберта. — В металлических ставнях имелись прорези в виде сердечек. Очевидно, змея проникла в комнату

через одно из них. Горел ночник, отверстия были хорошо видны в темноте, и змею привлекли эти светлые пятнышки.

— На стене были шероховатости?

— Не в том дело, — объяснила мадам де Праз. — Стены дома украшает столетний плющ со стеблями толщиной в древесный ствол. Массивные ветви обрамляют окна, и одна из них находилась на расстоянии менее фута от «сердечка». Змея, похоже, обвилась своим туловищем вокруг ветки и просунула голову в отверстие.

— Как она спустилась в комнату? — допытывался Жан.

— Метнулась по ставне вниз, оперлась о шпингалет окна, который я опустила перед сном, чтоб не скрипела рама, потом скользнула на стул, с него на ковер и подползла к руке, свесившейся с постели, — такова моя версия, — ответила графиня.

— Да, — согласился Морейль, — вполне логично. Но не было ли других отверстий, через которые змея пролезла бы в спальню?

— Никаких, — подтвердила Жильберта.

— Может, через вентилятор?

— Исключено.

— Сквозь отдушину?

— Там установлена решетка с частыми прутьями.

— Камин?

— Он плотно закрыт металлическим экраном.

— Крысиная нора?

— У нас аккуратный дом. Грызуны нам не докучали.

— Двери?

— Мама любила жить на первом этаже, — пояснила Жильберта. — Высота, даже незначительная, вызывала у нее дискомфорт. Чтобы чувствовать себя в безопасности, мама велела установить на обе свои двери — одна вела на галерею, другая в будуар, — железные засовы. Дверь в будуар, с тех пор как там ночевала тетя, не запирали: кого нам бояться? Между моей и маминой спальней располагался только будуар. Дверь на галерею, через которую помещения первого этажа сообщаются со всем домом, находилась вблизи маминой постели и всегда была на запоре. Возле мамы на прикроватном столике лежал железный прут, которым она при необходимости открывала дверь, не вставая с постели. Я собственноручно задвинула засов перед сном и лишь утром отперла дверь, бросившись за отцом. Значит, в ту

роковую ночь мама не вызывала горничную и не отодвигала щеколду, чтобы впустить Мари. Получается, что и змея не проникла бы в спальню со стороны галереи, — дверь до утра оставалась запертой. Щелей в ней нет, все герметично.

— Еще раньше, чем вы ее заперли, — возразил Жан Морейль, — змея могла вползти в комнату и свернуться где-нибудь под кроватью.

— Мы разбирали эту версию, — отозвалась мадам де Праз, — но я и Жильберта покинули спальню в половине десятого, а садовник Эжен, делавший вечерний обход оранжереи с серпентарием, видел черно-белую тварь на ее привычном месте в отсеке за решеткой в половине одиннадцатого.

— Отсюда следует, — заключила девушка, — что змея выскользнула из клетки между половиной одиннадцатого и часом ночи.

— Почему именно часом ночи? — усомнился Морейль.

— Как раз в это время мамочка обычно просыпалась и звала Мари. Но в ту ночь этого не произошло: похоже, мама уже скончалась.

— Не более чем предположение, — помотал головой месье Жан. — Меня смущает тот факт, что змея выползла назад из «сердечка».

— Полностью с вами согласна, — оживилась мадемуазель Лаваль. — Я сразу сказала тете и папе, что, по-моему, рептилия только проникла в дом через отверстие в ставне, а убежала через одну из двух дверей за те ужасные два часа, которые протекли с момента нашего пробуждения до той минуты, как мы бросились искать змею. Когда мы с тетей утром вбежали в комнату и увидели маму мертвой, змея, вероятно, пряталась где-нибудь поблизости: в углу, под кроватью или за шкафом. Меня до сих пор кидает в озноб при этом воспоминании.

— Что произошло потом, Жильберта?

— Мы были в отчаянии, а змея словно испарилась. Несколько дней и ночей мы ее искали: сдвинули мебель, сняли со стен деревянные панели, исследовали водопроводные трубы, заглянули в печи, выкурили дымом калориферы, зацементировали все отверстия. Парк мы обшарили пядь за пядью, деревню и лес обошли во всех направлениях. Увы, никаких результатов. По-моему, все это изначально не имело смысла, если учесть, что змея могла сбежать через земляные норы, дупла деревьев, скрыться в траве и так далее. Существуют тысячи мест, где пестрая рептилия останется

незамеченной даже в статичном состоянии, а движется она с такой скоростью, что нам никогда ее не догнать и не перехитрить.

— Я искренне сочувствую вам.

— Спасибо. Мне пришлось туго, ведь я была еще подростком тринадцати лет. Мамина смерть произвела на меня такое гнетущее впечатление, что меня увезли из Люверси, казавшегося мне адом. Мне повсюду мерещились змеи, да и до сих пор не отпускают галлюцинации — вы сами в этом убедились.

Жан Морейль выслушал дам с живейшим вниманием, поборов свою привычную рассеянность.

— Змею вы так и не поймали? — грустно уточнил он.

— Нет, — тяжело вздохнула Жильберта. — Не исключено, что она до сих пор в Люверси, ибо змеи, как я читала, живут по сто лет. Однако я не вернусь туда ни за какие сокровища. Я люблю это поместье, Жан, люблю наш дом и парк. Мне хотелось бы снова там очутиться, но я не могу, пока не найдется змея-убийца, живая или мертвая.

— Вы обрадуетесь, если кто-нибудь доставит ее вам?

— Не знаю, — пожала плечами девушка, — я не верю в чудеса.

Посмотрев на Жана, она прочла в его глазах такое горячее участие, что не удержалась и протянула ему обе руки. Влюбленные отдались своему счастью и позабыли про тетушку, которой не нравилось подобное проявление чувств, поэтому Морейль несколько не удивился, когда графиня, нарушив их идиллию, холодно заметила:

— Знаешь, Жильберта, ты уже не подросток, тебе восемнадцать лет. Пора пересилить себя и побороть свое предубеждение. В течение пяти лет рептилия нигде не обнаружилась, следовательно, сдохла. Я думаю, мы замуровали ее в одной из тех дыр, которые тщательно залили цементом. Опасность миновала, и если бы ты меня слушалась, мы, вместо того чтобы ездить в Довиль, как в прошлом году, отправились бы этим летом в Люверси.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ